

Он не был святошей, но сострадание присуще каждому, и даже если он не мог ничего изменить, на душе всё равно оставался тяжелый осадок.

Мумия протянула руку и осторожно ущипнула Ли Синя за щеку — движения были такими бережными, словно он боялся, что тот снова может получить перелом. Этот человек был до того хрупким, что ему еще не доводилось встречать столь слабого существа. Порой ему хотелось прикоснуться к нему, но он опасался, что даже легкое касание причинит боль. Он никогда прежде не видел подобных людей. Даже если в его памяти почти никого не осталось, интуитивно он понимал, насколько Ли Синь необычен.

Он не лгал Ли Синю: он действительно не помнил, кто он такой. Его память охватывала едва ли месяц, да и та была затуманенной. В этих воспоминаниях он словно жил в беспмятстве, убивая людей, и куда бы ни направлялся, всюду сеял смерть. До встречи с Ли Синем он изо всех сил боролся с ужасным голосом, эхом звучавшим в голове. С того самого момента, как к нему вернулось подобие сознания, он непрерывно сражался с этим звуком, но каждый раз терпел поражение. Этот голос до предела раскачивал его ментальные волны, вызывая психическую мутацию, и в состоянии безумия он не мог ни контролировать свои действия, ни запомнить их. Когда он встретил Ли Синя, резкий звук, подобно потоку воздуха, метался в его мозгу. Он не хотел больше подчиняться этому голосу, поэтому остановился перед парковкой, отчаянно сопротивляясь, но в итоге не выдержал мутации, зашел внутрь и наткнулся на Ли Синя.

Под мелодию Сяо Байцай пронзительный визг становился всё тише, пока вовсе не исчез. Весенний снег получался не так хорошо, да и эффект был слабее, но всё равно приносил облегчение. Стоило Ли Синю запеть или сыграть на своем странном инструменте, как к нему возвращалась ясность ума. Он помнил всё, что происходило в эти дни, с каждым днем чувствовал себя лучше, а голос в голове затихал. Он был уверен: если продолжит слушать игру Ли Синя, то непременно исцелит эту неведомую ментальную травму и вернет себе память.

Будь то ради лечения или из-за того, что рядом с Ли Синем на душе становилось необъяснимо легко, он хотел следовать за ним и помогать. Столь слабое создание — если его никто не защитит, даже крысы на планете Эмир, пожалуй, загрызут его. По крайней мере, если он приложит к крысе ту же силу, с которой сжимал Ли Синя, та не сломает кости.

Желание Ли Синя было простым: он хотел, чтобы как можно больше людей услышали его музыку. Мумии достаточно было взглянуть на выражение лица Ли Синя, чтобы угадать его мысли. Он был готов отдать всё, чтобы помочь ему, лишь бы оставаться рядом и быть хотя бы скромным слушателем. Для Мумии не было разницы между виртуозной Вечерней песней рыбацкой лодки и прерывистым Весенним снегом — и то, и другое успокаивало его разум, даря покой.

Глядя на взгляд Ли Синя, полный жалости к ближнему, он ощутил странное волнение. Вероятно, это был инстинкт птенца: придя в себя на этой парковке, он подсознательно начал считать ее своей территорией. Когда он увидел тех двух бродяг, возникло чувство, будто его владения захватили, поэтому, выбрасывая их оттуда, он испытал сильный эмоциональный всплеск.

Это ненормально. Они всего лишь случайные прохожие, не стоило так злиться. Даже если нужно было их выгнать, не обязательно было применять физическую силу, хватило бы одного лишь ментального давления. Но он выбрал насилие, и это было неправильно.

Он понимал, что с ним что-то не так, но не мог обуздать свои мысли. Он слегка сжал подбородок Ли Синя, заставляя его смотреть прямо в глаза, и в этом печальном взгляде действительно уловил нотку неодобрения.

Почему он не одобряет? Он же помогает ему! Разве жить с другими так уж интересно? Неужели нельзя быть только с ним? Разве такая прекрасная музыка не должна принадлежать только ему, чтобы только он один мог ее слушать?

Нет, Ли Синь хочет, чтобы его музыку слышало больше людей. Его мысли неверны.

Нет, она должна принадлежать только ему. Он защитит Ли Синя и в обмен получит право владеть им безраздельно. Это ведь...

В мозгу снова вспыхнула острая боль. Пронзительный вой, раздирающий сознание, превращал мысли в хаос. Разум и импульсы вступили в яростную схватку, а безгранично разросшиеся желания требовали поглотить всё вокруг. Он поспешно отпустил Ли Синя, отступил на несколько шагов и со всей силы ударился головой о стену. Поскольку на планете Эмир было много психически мутировавших, все общественные здания возводили из сверхпрочного сверхсплава. Им повезло, что после того, как планету сделали местом ссылки, на ней обнаружили богатые залежи полезных ископаемых, иначе у них не было бы даже крыши над головой, и всё превратилось бы в руины. Если бы Империя нашла эти ресурсы раньше, планета не стала бы тюрьмой, и эти недра не достались бы ссыльным. Это была их удача.

Даже на Центральной планете Сайтер, где меры безопасности были на высшем уровне, плотность стройматериалов составляла не более 100 граммов на кубический сантиметр. А здесь использовали сверхсплав с плотностью более 1000 граммов! Только в специализированных исследовательских институтах и военных базах применялись такие материалы. Конечно, мехи и звездные корабли были иными: чтобы сэкономить энергию в космосе, их делали из легких и прочных материалов, технологий для которых на планете Эмир не было.

Однако этот сверхсплав плотностью более 1000 граммов был буквально деформирован ударом человеческой головы. Стена прогибалась, парковка содрогалась от ужасающего грохота, и каждый удар вызывал землетрясение, создавая ощущение, что мир вот-вот рухнет.

Ли Синь был ошеломлен: один человек вызвал эффект землетрясения! Что... что с Мумией? Неужели он впал в бешенство? Вспомнив, как десяток людей в состоянии маниакального приступа швырялись флайерами, словно снежками, Ли Синь почувствовал, как внутри всё похолодело. Е-если он не убежит сейчас, в следующую секунду Мумия разорвет его на части!

Учитывая его собственную слабость, даже пытаться успокоить Мумию было бессмысленно —

тот прихлопнет его одним движением. Ли Синь решительно схватил пипу и бросился к выходу. Но не успел он отползти и на полшага, как человек, находившийся в десятках метров, словно телепортировался и оказался прямо перед ним. Мумия схватил его за плечи, глаза его налились кровью и впились в Ли Синя.

— Куда... ты... собрался? — прозвучал голос, похожий на скрежет разбитого металла. Каждый слог вызывал пульсацию в висках. Казалось, говорить ему было невыносимо тяжело, каждое слово сопровождалось ужасным трением в горле. Ли Синь понимал: это причиняет ему огромную боль, и если он скажет еще хоть немного, то рискует навсегда потерять голос.

— Я-я-я... — Ли Синь не был мастером актерской игры и долго мычал, не в силах вымолвить даже простую ложь вроде я просто вышел прогуляться. Плечо невыносимо болело, казалось, еще миг — и кости будут раздавлены. Но, на удивление, они оставались целы.

Обычно даже легкое касание приводило к перелому, а сейчас, в состоянии психического срыва, он оставался невредим. Значит, Мумия всё еще сохранял остатки разума и отчаянно сдерживал себя?

— Не смей... уходить! — голос звучал как сломанный дизельный двигатель, невыносимо резко и неприятно, хрип в горле становился всё сильнее.

— Перестань говорить! — Ли Синь понял, что убежать всё равно не удастся, и махнул рукой, зажав рот Мумии. — Если продолжишь, окончательно сорвешь связки!

— Уходи... быстрее! — Мумия не слушал его и изо всех сил оттолкнул, но толчок вышел слабым — вся его энергия уходила на борьбу с самим собой.

Оттолкнув Ли Синя, он снова, как безумный, бросился к стене. Ужасало то, что даже такая прочная стена начала рушиться, а на лбу у Мумии лишь сползли повязки — ни капли крови.

Хотя крови не было, Ли Синь знал, как ему больно. Боль была невыносимой, но он всё равно пытался защитить его.

Что делать? Что ему делать? Неужели он просто бросит своего единственного друга, который так страдает, и сбежит? Судя по тяжести приступа, не станет ли это последним его безумием? Может, он больше не вернется в норму и будет сражаться до самой смерти?

Но он ничего не мог поделать. Тысячи лет усилий ученых не решили проблему психических мутаций, как же он, обычный человек, может с этим справиться?

Да, он попал в этот мир, у него была Система в качестве козыря, подарившая пипу и две мелодии, но... это ведь не оружие! Традиционный способ борьбы с бешенством — вызвать отряд спецназа, схватить больного и ввести психо-ингибитор. Обычно люди с нормальной частотой

волн приходили в себя после инъекции, но если частота выходила за пределы, ингибитор мог спровоцировать еще более страшное бешенство.

Не говоря уже о том, что поймать Мумию было невозможно, у него даже не было этого ингибитора! На планете Эмир такая вещь просто не могла существовать, ведь для психодаренных ингибиторы были бесполезны.

Ли Синь осознал, что он бессилен. Он всего лишь обычный человек, умеющий играть на музыкальном инструменте, такой ничтожный.

Ли Синь страдал, а Мумия переносил еще большие муки. В тот миг, когда он отпустил Ли Синя, звук в голове стал пронзительным, словно пытаюсь проткнуть мозг. Остатки разума исчезли, и хотя он бился о стену, всё его внимание было приковано к Ли Синю. Если бы тот посмел сделать хоть шаг, он без колебаний бросился бы на него и заключил в объятия, не позволяя сбежать. А тогда, даже если бы он старался не причинить вреда, неконтролируемая сила превратила бы кости этого хрупкого человека в пыль.

Пока оба вели внутреннюю борьбу, на экране Ли Синя внезапно всплыло окно диалога:

□Обнаружена угроза неестественной смерти хозяина. Активировать режим самоспасения? Да/Нет (Подсказка: без активации вероятность смерти обоих — 100%. При активации счетчик цветов обнуляется, вероятность смерти хозяина — 0%, вероятность восстановления психодаренного — 50%.)□

Если не активировать, смерть обоих неизбежна — был ли у него выбор? К тому же цветы — это деньги, их можно заработать снова. Шестьдесят тысяч звездных кредитов за две жизни — это более чем выгодно!

Ли Синь, словно утопающий за соломинку, выбрал Да. В тот же миг его тело пришло в движение!

Он самостоятельно прижал пипу к груди, пальцы коснулись струн, и из инструмента вырвался прекрасный нежный звук.

Ли Синь: «...»

Так называемый режим самоспасения — это играть... на пипе?!

Эта легендарная музыкальная система — она что, кроме баффов к музыке, ничем больше не занимается? Могла бы хотя бы поднять его уровень генов, чтобы он мог подавить Мумию!

□Уровень генов противника — SS. Превышает лимит повышения системы, выполнение невозможно.□

Двойной S-класс... кажется, даже если он станет музыкальным мастером, максимум, чего он достигнет — это SS. А с его никчемными навыками он вряд ли сможет подавить кого-то с таким же уровнем генов... Действительно, невыполнимая задача, Ли Синь едва сдерживал слезы.

Как только он начал играть, Мумия словно взорвался. Действия Ли Синя окончательно разрушили струну разума в его голове. Желания возросли до предела, ментальная волна стала настолько мощной, что даже у Ли Синя, который обычно не подвергался влиянию, загудело в голове. Неужели это действительно бешенство? У него есть такая сила?

К счастью, под контролем системы руки Ли Синя не дрожали, и он продолжал играть мелодию без спешки.

Это была мелодия, которую Ли Синь никогда раньше не слышал. Не печаль Сяо Байцай, не умиротворение Вечерней песни рыбацкой лодки, а нечто тягучее, полное тайной тоски и странного очарования. Словно признание в любви, обещание не расставаться — от этого звука сердце невольно замирало.

В тот же миг, когда зазвучала музыка, рука Мумии, почти коснувшаяся Ли Синя, замерла. Безумные глаза стали яснее, он смотрел на Ли Синя, слегка склонив голову, словно пытаясь расслышать каждое слово этой исповеди.

Ли Синь выдохнул, но тут же засомневался в мелодии. Почему она такая... липкая? В замешательстве он увидел на панели текст:

□Название: Биму.

Словно рыбы биму, в вечной нежности взгляды.

Крылья нежны, как весенний рассвет.

Феникс ищет пару, звуки сплелись воедино.

Омываю перья, нахожу надежное древо.

Словно рыбы биму, в вечной нежности взгляды.

Мысли о любимом, нелегко ткать узор на станке.

Цветы на одном стебле, ветви сплелись в узел.

Исполнилось желание, годы пройдут в согласии.

Словно рыбы биму, в вечной нежности взгляды.

Чувства пульсируют, в словах от зари до заката.

Цитра зовет се, звуки полны изящества.

Даришь мне сердце, летим вместе, как пара уток.

Словно рыбы биму, в вечной нежности взгляды.

Мысли спутались, нелегко всё высказать.

Орхидеи и корица цветут вместе, долгих лет жизни.

Выражаю чувства, останусь с тобой навсегда.□

□Примечание: из «Ши цзин: Биму». Рыбы биму символизируют тоску и неразлучность. Это стихотворение о любви, выражающее желание быть с возлюбленным вечно, не разлучаться и хранить верность.□

Ли Синь: «...»

Ли Синь был в шоке. Если бы не система самоспасения, управляющая его телом, он бы сейчас разбил пипу об эти буквы в воздухе. Что это за ерунда?!

И ведь эта ерунда действительно работает!

Под ритм Биму кровавая пелена в глазах Мумии начала рассеиваться. Ли Синь видел: поначалу тот еще пытался бороться, и музыка действовала слабо. Но постепенно выражение лица Мумии становилось всё мягче, в глазах появилась странная нежность, и под ее натиском кровавый туман отступил. Когда мелодия стихла, Мумия, хотя иногда и проявлял признаки борьбы, стал совершенно спокойным и перестал дрожать.

□Система: Рекомендуется хозяину спеть текст на языке Звездного Альянса. Даже если не попадете в ноты — неважно, это максимально успокоит противника. Примечание: если противник поймет смысл слов, есть риск потери невинности.□

Потере невинности?! И ты еще предлагаешь мне петь?!

Не буду! Ни за что не буду! Ли Синь проявил твердость воли. Он не пойдет на поводу у музыки, не поддастся — как бы красиво она ни звучала, он не сдвинется с места.

Хотя Ли Синь был человеком чувствительным, иногда нельзя терять достоинство. Да, Мумия ему симпатичен, эта симпатия позволяла даже закрывать глаза на его внешность. Но это не любовь, а зависимость. В этом мире, брошенный отцом и мачехой, не имея ни одного близкого человека, он жил в постоянном страхе за завтрашний день. Мумия защищал его, был добр к нему, и это пробудило в его иссохшем сердце новые надежды. Это был импульс. Любви не было, и он не мог позволить себе расслабиться.

Хотя Ли Синь не пел, Мумия всё равно полностью успокоился под звуки этой нежной мелодии. К третьему повтору он уже сидел рядом с Ли Синем, послушно слушая музыку. Былая ярость исчезла, и теперь он стал похож на ласкового хаски.

Когда он пришел в себя, режим самоспасения отключился. После третьего проигрыша руки Ли Синя замерли.

Прекрасные звуки стихли, и Ли Синь тихо вздохнул. Это был не вздох облегчения после спасения, а вздох тоски. В конце концов, музыка всё же повлияла на него. К тому же Мумия был таким послушным, словно это не он, а кто-то другой обещал ему неразлучность. Как такой впечатлительный человек, как Ли Синь, мог не поддаться?

— Ты только что пережил психическую мутацию? — Ли Синь посмотрел на Мумию, в его глазах читалась тревога.

Мумия молча кивнул.

Ли Синь, копаясь в памяти прежнего владельца тела, обеспокоенно произнес:

— Помню, когда мы встретились, ты тоже был в состоянии мутации. Тогда масштаб был огромным, заразились десятки человек. А сейчас... прошла неделя, и снова приступ. У тебя... не слишком ли высокая частота?

Даже на планете Эмир после первого восстановления от мутации люди не сталкивались с повторным приступом в течение года, если не попадали в эпицентр массового заражения. Некоторые, сохраняя душевный покой, могли жить три-пять лет без срывов. Только те, кто был близок к краху, страдали от частых приступов. Дважды за неделю — это означало, что он близок к смерти. Возможно, в следующий раз он уже не вернется в себя.

Мумия молчал. На самом деле, это были не два приступа за неделю, а целый месяц, проведенный в состоянии непрерывного бешенства. Если бы не встреча с Ли Синем, он никогда не пришел бы в себя. И если бы не высокий уровень генов, его тело давно бы сдалось и он умер бы от безумия.

Он не хотел отвечать, что находится на грани смерти, поэтому осторожно взял Ли Синя за руку и старательно вывел на ней: Почему ты знал, что твоя музыка может контролировать мою мутацию?

Ли Синь: Я не знал.

Он запоздало осознал, что если бы в тот день, когда впервые увидел Мумию, он не захотел напоследок спеть песню и, схватив первый попавшийся инструмент, не активировал случайно систему — его бы тогда просто растоптали. Э-э... значит, его музыка может контролировать психическую мутацию и возвращать людей из состояния безумия?

Это абсурд. Полный бред.

Ли Синь сам был музыкантом и знал, что музыка влияет на настроение, но никогда не слышал,

чтобы психические заболевания лечились песнями. Ученые Империи доказали, что психическая мутация — это необратимое изменение мозга. Если оно произошло, вернуться в норму невозможно. У тех, чья частота волн была в норме, мутация случалась редко, ингибиторы помогали замедлить процесс, но в итоге всё равно наступало полное безумие. А те, кто выходил за пределы нормы, теряли рассудок за десять лет, и ингибиторы им не помогали.

Если бы музыка лечила болезнь, ученые давно бы это обнаружили.

Тогда почему дважды музыка успокаивала Мумию, действуя подобно ингибитору, и почему в критический момент система выбрала именно игру на инструменте?

Ли Синь не был ученым, у него не было ответа.

— Раз приступы случаются так часто, ты уже на грани полного безумия? — спросил Ли Синь.

<http://bllate.org/book/21290/2158741>